

З. К. Тарланов
(Махачкала – Петрозаводск)

ПРИНЦИП РАЦИОНАЛИЗМА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ М. В. ЛОМОНОСОВА

История науки и история общественной мысли, общественных настроений в широком смысле, взятые во внутриэтническом и межэтническом пространствах, неопровержимо свидетельствуют о том, что векторы движения, векторы направленности научных поисков и общественных интересов соответствующих периодов времени как-то связаны между собой.

Столь же очевидно и то, что линии этой связи могут быть взаимно опирающимися друг на друга, тем самым поддерживающими друг друга. Но они могут быть также пересекающимися лишь частично или даже совершенно разнонаправленными.

Глубина осознанного интереса к мысли, в том числе и к научной мысли, к образованию в качестве важнейшего рычага преобразования научных результатов в необходимый общественно-интеллектуальный продукт, востребованный временем, зависит от интеллектуального состояния общества, от его настроений и ценностных ориентаций.

Почти идеальным примером непротиворечивого взаимодействия указанных векторов в истории европейской культуры является, по-видимому, эпоха Возрождения с ее высочайшим интересом к человеческой личности, к человеческой красоте, к языку и языкам, с ее устремленностью к познанию неизведанного. Другим примером того же плана из европейской же истории может считаться XIX столетие. В той же роли выступает XIX столетие, начиная примерно с середины первой его четверти, и в русской истории. Аналогичным по сути этапом в истории народов Российской империи был советский период.

Главнейшая черта всех такого рода исторических этапов - это, в частности, непрекращаемое уважение к мысли, к проявлениям интеллектуальной активности не только в практической плоскости, но и вообще, почитание учености, образования, интеллигенции в качестве непосредственной выразительницы интеллектуальных потенций общества.

Современное общество, погруженное в безотчетное потребительство, достаточно далеко от науки, научной мысли, не питающей сиюминутных его потребительских интересов.

Этой же эпидемией потребительства охвачено и российское общество.

Однако в условиях российской действительности процесс острашения науки, особенности гуманитарной науки, обрел совершенно неожиданные очертания, граничащие с нигилизмом.

С одной стороны, почти отвергнутыми оказались не только сами гуманитарные науки, но и изучаемые ими объекты безотносительно к их роли в поддержании и развитии национальной культуры, в распространении влияния достижений русского мира в других странах и в мире в целом. В подтверждение реальности этого парадокса достаточно сослаться хотя бы на ситуацию, сложившуюся в современной России с изучением русской классической литературы, творческого наследия не только Радищева, декабристов, Белинского, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, литературы советского периода, не укладывающихся в актуальную конъюнктуру, но и таких гениев, как Л. Н. Толстой, М. Горький, В. В. Маяковский и др.

С другой стороны, русская литература в широком смысле стала рассматриваться, в основном, сквозь призму конфессиональных, т. е. в данном случае православных, установлений, тем самым сужая и ограничивая ее общечеловеческий поучи-

тельный потенциал¹. Изучение той же самой русской литературы с позиций православия и с позиций науки о литературе не может быть тождественна. Наука изучает литературу в соответствии с ее художественно-эстетической, историко-социальной природой в качестве соответствующего этно-культурного образца решения общечеловеческих проблем. Религиозный же взгляд на литературу неизбежно ограничен пространством его актуальности, теми или иными этническими либо зональными границами, в рамках которых действуют его догматы..

Есть и третья сторона в современных оценках событий, процессов, личностей прошлого, которая характеризуется печатью поверхностности, анахронизма и неприкрытого ретроспективного субъективизма.

Ретроспективного субъективизма не избежала и та тема, которая является предметом рассмотрения в настоящей статье, - тема роли, степени самобытности, самостоятельности, созидательно-научной ценности творческого наследия М. В. Ломоносова в истории становления и развития многогранной русской научной мысли, в процессе утверждения интеллектуально-научной атмосферы в России². В оценках ученого на рубеже XX-XXI вв. заметное место отводится и религиозной составляющей его мировоззрения, хотя традиционно и “научный метод, и научное мировоззрение” его считали “материалистически направленными”³, т. е. чуждыми религиозной заданности.

Если иметь в виду наиболее содержательно емкую оценку многогранной роли Ломоносова в истории русской науки, в истории становления русской национальной культуры в целом, то она впервые была дана А. Н. Радищевым, почти современником ученого, в его знаменитом «Слове о Ломоносове», которым завершалось «Путешествие из Петербурга в Москву»⁴. Эта оценка Ломоносова до сих пор остается непревзойденной не только по глубине и широте охвата его деятельности, но и по адекватности истории. Радищев говорит о Ломоносове, отталкиваясь от того, что было до Ломоносова, с чего и в каких условиях он начинал свое научное подвижничество, одновременно расчищая площадку под будущие разновекторные научные изыскания, разрабатывая понятийный аппарат и научную терминологию, а также демонстрируя и утверждая возможности русского языка, который и должен был стать по праву языком русской науки. Из новейших исследований, посвященных ученому, особо должна быть отмечена монография Э. П. Карпеева «Ломоносов и русская культура»⁵, в которой феномен М. В. Ломоносова осмысливается не только и не столько в масштабе России, русской культуры в период ее динамичного обновления и развития, сколько разворачивается на широком и параллельном фоне достижений европейской науки и культуры в их развитии от Средневековья к Новому времени⁶.

Что касается вклада Ломоносова в становление языкознания в России, то наиболее полно он выразился в его «Российской грамматике», в которой кратко, объемно и отчетливо изложены как его общелингвистические взгляды, так и решения конкретных проблем строя русского языка по всей его структурной вертикали. Содержательный аналитический обзор этих взглядов ученого, проделанный с позиций синтаксиса и в сравнении с предшествовавшими грамматическими традициями, был осуществлен акад. В. В. Вино-

¹ Тарланов З. К. Процессы глобализации и современные гуманитарные науки (Заметки на полях) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 1 (91). Июнь, 2008. С. 112-117.

² См., напр., некоторые из типовых оценок применительно к грамматической теории М. В. Ломоносова: Виноградов В. В. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова // Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 16-117.

³ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 13-15.

⁴ См. подробнее: Тарланов З. К. «... Взор проникает густую завесу времени... (К 260-летию со дня рождения А. Н. Радищева) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 8. Август. 2009. Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2009. С. 67-71.

⁵ Карпеев Э. П. Ломоносов и русская культура. СПб., 2005.

⁶ См. рец.: Тарланов З. К. Карпеев Э. П. Ломоносов и русская культура. СПб., 2005. 140 с. // Русская речь. 2006. № 6.

градовым в его известной работе «Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике», опубликованной в упоминавшейся монографии «Из истории изучения русского синтаксиса» (1957).

Разделяя общую оценку В. В. Виноградовым научного метода и научного мировоззрения М. В. Ломоносова как «материалистически направленных», попытаемся раскрыть те основные составляющие его грамматической теории, которая, как будет показано далее, имеет свою структуру, не ограничивающуюся только материализмом.

Эта структура, в основном, трехчленна. Наиболее последовательно она «работает» почти во всех пяти главах «Наставления первого», в котором обсуждаются общие аспекты языка и соответственно – и общие проблемы науки о языке.

Ступени, уровни структуры выстроены по принципу «от общего – к частному» и включают в себя 1) отсылку к субстанциям и их признакам в материальном мире, которым соответствуют их обозначения в языке, 2) рациональное объяснение этих соответствий и их принципиальной достаточности либо избыточности и 3) оценка тех же соответствий в конкретно-языковых реализациях с прагматической точки зрения, т. е. с точки зрения носителей и «пользователей» отдельных языков; прагматический аспект каждый раз примеряется к возможностям русского языка, являющегося основным объектом изучения и анализа.

Каких бы вопросов Ломоносов ни касался в его общетеоретических лингвистических рассуждениях, основополагающим принципом его научных решений оказывается принцип рационализма, не отделимый от природы человека, ибо «благороднейшее дарование, которым человек протчих животных превосходит», и есть разум, воплощаемый в слове, «данном ему для сообщения с другими своих мыслей»⁷.

Поскольку язык дан для взаимного общения людей, для взаимного обмена мыслями, то тем самым он является важнейшим и незаменимым средством развития и совершенствования рода человеческого: «... естли бы каждой член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому; то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется; но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей рассыпанных по лесам и пустыням» (с. 12)⁸.

Ломоносов ищет рационализм даже в такой, казалось бы, детали, как порядок, последовательность расположения графических знаков в алфавитах разных народов, связывая их со степенью простоты и удобств произнесения звуков человеческой речи, что очевидно из следующего его рассуждения: «Всем народам и каждому человеку легче произносить голос простым отверстием рта, чем производится отмена образовательная, которую мы показываем буквою А: того ради недивно, что она поставляется у всех известных народов в начале азбуки» (с. 16).

Если слово вообще, способность к речетворчеству дарованы человеку свыше, «чтобы свои понятия сообщать другому» (с. 23), то сам по себе конкретный язык, его словарь, звуковой и грамматический строй – это результат творческой, созидательной деятельности самого человека.

Примечательно в этом плане то, какие классы слов, по Ломоносову, образуют лексическое ядро языка и почему. Таких лексико-грамматических классов два – *имена* и *глаголы*. Они соотносительны с миром, окружающим человека. В этом мире, окружающем человека, представлены «чувствительные в нем» (ощущаемые человеком) «вещи» (предметы, субстанции) и их «деяния» (признаки, действия) – естественно-научная, материалистическая позиция. Следовательно, «идеи вещей и их

⁷ Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 11. Далее страницы ссылок даются в тексте в скобках по этому изданию.

⁸ Здесь и далее цитаты приводятся в современной орфографии с сохранением авторской грамматики и пунктуации за редкими исключениями.

деяний» должны найти свое воплощение в языке (рационалистическая позиция): «Изображения словесных вещей называются *имена*, напр.: *Небо, ветер, очи*; изображения деяний, *глаголы*, напр.: *Синеет, веет, видят*» (с. 23). Поэтому столь же рационально *имена* и *глаголы* «по справедливости *знаменательные части слова* названы быть могут» (с. 23-24).

В целях «изображения мыслей» знаменательные части слова «должны иметь между собою соответствие» (с. 24), т. е. должны быть связаны между собою. Такая связь осуществляется «особливыми частями слова», которые называются *предлогами* и *союзами*.

Таковы два важнейших лексико-грамматических класса слов в языке, выделенных Ломоносовым по принципу соответствия их внеязыковым феноменам – предметам и явлениям действительности, их признакам, дополненному принципом учета внутриязыковых отношений между ними и средств выражения этих отношений.

Эта классификация слов по частям речи не была оригинальной во всем. Подобного рода классификации предлагались и раньше⁹, в европейской традиции начиная с Александрийского периода развития лингвистической мысли. Безусловно новы в ломоносовском подходе к проблеме его последовательный рационализм, материалистическая направленность аргументаций и отчетливое разграничение внеязыкового и внутриязыкового планов в рассуждениях о соответствующих языковых категориях и фактах.

Однако классификация частей речи, предложенная Ломоносовым, не исчерпывается приведенной выше. Им отдельно выделяется и третья большая группа слов с учетом возможности их использования для прагматических целей, для сокращения «речений» и исключения «скучного повторения одного предложения» (с. 24).

Это – слова, служащие целям экономного выражения мысли, тем самым обслуживая стилистико-прагматические потребности говорящих. Они «кратко заключают в себе несколько идей разных и называются *Местоимение, Наречие, Междометие*. Местоимение полагается вместо имени; Наречие изображает единым предложением обстоятельство; Междометие представляет движение духа человеческого кратко» (с. 24), ср.: *Семпроний Клавдиев тысяща семьсот пятьдесят пятьго года, Июля 15 дня, нахожусь в Нове городе; после нынешняго дня и ночи буду на другом месте*; краткий вариант: *Я ныне здесь, а завтра буду инде; Семпроний Клавдиев может быть заменен я; или: ба! вместо Я удивляюсь, что тебя здесь вижу* (с. 24-25).

К этой же группе относятся отглагольные имена, которые называются *причастиями* и которые тоже «служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу: *Приведенный* вместо *котораго привели*» (с. 25).

В целом в число частей речи в русском языке, как и в языке вообще, *выявляемых на основе их соотнесенности с предметами окружающего мира и их признаками, разграниченных между собой рационально и прагматически*, входят, по Ломоносову, восемь «частей знаменательных» (лексико-грамматических групп): «1) *Имя* для названия вещей, 2) *Местоимение*, для сокращения именованных, 3) *Глагол*, для названия деяний, 4) *Причастие* для сокращения, соединением имени и глагола в одно предложение, 5) *Наречие*, для краткого изображения обстоятельств, 6) *Предлог*, для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям, 7) *Союз*, для изображения взаимности наших понятий, 8) *Междометие*, для краткого изъявления движений духа» (с. 26).

Среди этих «знаменательных частей слова» две (имена и глаголы) являются главными, остальные шесть – «вспомогательными или служебными». Все они «должны быть по своей необходимости во всяком языке» (с. 26).

⁹ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 17.

Превышение этого количества частей речи в том или ином языке объявляется излишеством. Здесь очевидна зависимость Ломоносова от предшествовавшей традиции, восходящей к эллинистическому периоду – Александрийской школе, хотя тонкая наблюдательность ученого и сам языковой строй не позволяют ему удержаться в рамках этой традиции. Буквально через страницу он выделяет еще одну часть речи, обозначающую качество вещи-*существительного*, - *прилагательное*: *великой, светлой, быстрая, чистая* (с. 28).

И тогда, когда речь идет о принципиальных проблемах науки о языке, и тогда, когда рассматриваются вполне конкретные, частные категории языка, отправной точкой для ученого служат объективные факты, феномены «натуры» (природы), а также жизненный опыт людей, которые находят свое осмысленное отражение в языке.

Отсюда очевидно, что языковое содержание, согласно Ломоносову, вторично, производно. Поэтому оно объясняется, как правило, отсылкой к предметно-материальному миру и комментируется *с точки зрения рациональности соответствий между миром вещей, их признаков, отношений и миром языка*. Тем самым рационализм Ломоносова предстает как рационализм материалистического толка.

Приведем лишь некоторые произвольно взятые примеры именно такой его манеры объяснения частных грамматических категорий: 1) *категория словообразования*: «Как все вещи от начала в малом количестве начинаются <...>, так и слово человеческое <...> в начале было тесно ограничено, и одними простыми предложениями довольствовались» (с. 28); 2) *категория сравнения у прилагательных*: «Рассматривая свойства вещей, находим в них разности, что то же свойство в одной вещи превосходнее, нежели в другой <...>. Отсюда имеют прилагательные имена разные степени» (с. 28); 3) *категория числа у существительных*: «Вещи изображаем по их числу в уме нашем: то есть одну или многия. Здесь также явствует склонность человеческая к сокращению слова. Ибо просто бы поступая, изобразить должно одну вещь именовать однажды; а многие многократным того же имени повторением. <...> Но найден краткой способ, и от единственного числа отличается множественное нескучным того же и многократным повторением, но малою отменой букв: *камни*» (с. 29); 4) *категория падежа*: «Деяния и вещи относятся к вещам разным образом, и оттуда происходят в именах следующие отмены: 1) Когда вещь в деянии просто представляется и именуется. Например: *рука сильная, громкая победа*. 2) Когда вещь представляется в принадлежности другой вещи, напр. *Дело руки сильная, звук громкая победы*. 3) Когда деяние или вещь к вещи присвоятся отъинуда: *предан руке сильной; приносит хвалу громкой победе*. 4) Когда одна вещь на другую действие производит: *почитаю руку сильную, хвалю победу громкую*. 5) Когда к вещи речь обращается: *о ты рука сильная, о ты победа громкая*. 6) Когда вещь как некоторое орудие или способ представляется: *поразить рукою сильною, прославиться победою громкою*. Сии перемены называются падежами: 1) *Именительный*, 2) *Родительный*, 3) *Дательный*, 4) *Винительный*, 5) *Звательный*, 6) *Творительный*» (с. 30).

В плане рациональном, по Ломоносову, «по самой натуре человеческого слова сии падежи потребны, притом и довольны» (с. 30).

Однако картина, представленная в отдельных языках, отличается от этой рационально достаточной своеобразной средней нормы. Так, латинский язык имеет шесть падежей, «греки довольствуются пятью, употребляя Дательный купно Творительным. Немцы, Французы, Италианцы и другие Европейские народы, которых языки от Латинского и от древняго Немецкого происходят, хотя шестой падеж [ablativus] в Грамматических примерах и поставляют; однако от Родительнаго первых, или Дательного других ничем не разнятся» (с. 31).

Российский же язык отличается от прочих языков особым падежом, который без предлогов не употребляется. В славенской грамматике он назван *сказательным*, «но свойственнее назван быть может *Предложным*» (с. 31). Таким образом, своим вскользь, по случаю высказанным замечанием Ломоносов выделяет в русском языке один из важнейших падежей в его грамматической структуре, который так и называется до сих пор, превратившись в мотивированную грамматическую традицию.

Еще один, последний, пример рационализма грамматических рассуждений Ломоносова – рассуждение о категории грамматического рода: «Животных натура на два пола разделила, на Мужеский и на Женский. Оттуда и имена их во многих языках суть двух родов: *господин, госпожа; муж, жена; Орел, Орлица*. Сие от животных простерлось и к вещам бездушным, из единого токмо употребления, и часто безрассудно, как мужеского пола: *сук, лист, волос*; женского: *гора, вода, стена*» (с. 32). Хотя категория рода характеризует многие языки, тем не менее, Ломоносов, исходя из принципа рационализма, считает не без основания, что «слову человеческому нет в том необходимой нужды» (с. 32).

Из сказанного следует главный вывод о научном методе Ломоносова, используемом им при создании безусловно оригинальной его грамматической теории.

Смысл и суть его сводятся, как уже говорилось, к трехмерности: 1) отправная ее точка – это «натура», природа, материальный мир; 2) характеристика степени рациональности отражения этого материального мира в человеческом языке в разных его конкретно представленных реализациях; 3) рассмотрение прагматического аспекта соответствующего языкового строя вполне тесно подводит ученого, в частности, и к распространенному в современной науке концептологическому осмыслению его содержания, к несформулированному выводу о необходимости тщательного исследования и описания каждого отдельного языка. Всякий раз, когда языковые категории характеризуются им с прагматической стороны, в оборот вводятся понятия избыточности («избытка») или недостаточности («недостатка») в сопоставлении с тем, что дано от природы («натурою»). «Натура» и есть абсолютная опора, база его рационализма. Следовательно, природа рациональна по ее сути. Это природное в языке и подлежит рациональному научному анализу, согласующемуся с практикой использования языка. Как известно, этот принцип стал одним из важнейших и в его реформе литературного языка¹⁰.

Образцом именно такого исследования применительно к русскому языку и является его «Российская грамматика», в которой с научным опережением на много десятилетий очень тонко и детально проанализированы многие его явления и факты. Сошлемся здесь лишь на один из этих фактов. Инфинитивные предложения, составляющие одну из существенных особенностей русского синтаксиса, наряду с гораздо позже развившимися безличными¹¹, предметом специального научного изучения становятся лишь с конца 60-х годов XIX в.¹² Однако первое достаточно подробное их функциональное описание дает именно Ломоносов, характеризуя «неопределенное наклонение» в рамках «сочинения глаголов»¹³.

¹⁰ Берков П. Н. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 г. // Изв. АН СССР. Отделение общественных наук. № 1. 1934. С. 201; Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1982. С. 104.

¹¹ Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999. С. 90-108.

¹² Тарланов З. К. Инфинитивные предложения и этапы их изучения в русском языке // Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск, 2005. С. 41. Статья под названием «Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке» впервые опубликовано в: Ученые записки Карельского государственного педагогического института. Петрозаводск, 1964.

¹³ Виноградов В. В. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова. С. 23; Тарланов З. К. Инфинитивные предложения и этапы их изучения в русском языке. С. 41.

Имея в виду научный метод М. В. Ломоносова, необходимо обратить внимание еще на одну неотъемлемую его особенность – ранжирование описываемых им языковых категорий и форм по степени их важности, субординированности по тем или иным признакам.

Так, выделяемые им части речи («части слова») практически делятся на четыре группы: 1) знаменательные основные, 2) служебные, 3) выражающие движения человеческого духа и 4) служащие для сокращения речений, в которой могут оказаться слова из всех предшествующих групп. Среди знаменательных слов самые важные те, которые обозначают вещи, ибо «вещь иметь должна прежде свое бытие» (с. 38), за ними следуют слова, обозначающие «деяния», далее – прилагательные и причастия и т. д. Есть все основания утверждать, что эти идеи в трансформированном виде в той или иной степени были использованы в трудах таких гениев русского языкознания, как А. А. Шахматов в его теории подлежащего в качестве вершинообразующего члена предложения¹⁴ и В. В. Виноградов в его многомерной первичной классификации частей речи¹⁵.

В современной околонучной литературе много внимания уделяется поиску религиозных мотивов в русской филологической классике и в классической русской литературе.

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова не дает ни малейшего повода пускаться в поиски подобных мотивов. Примечательно и то, что иллюстративные материалы, привлекаемые Ломоносовым при рассмотрении соответствующих языковых категорий и форм, не выходят за пределы обычного языка, чуждого какой бы то ни было религиозности. Все рационально и материалистично, следовательно, в истоке своем – объективно. Все это, разумеется, не лишено влияния и европейского восемнадцатого столетия с его рационалистическим универсализмом. Более того, в рамках господствовавшей в Европе того времени парадигмы научно-философских представлений Ломоносов предстает в его грамматических объяснениях и комментариях не только как глубокий и оригинальный исследователь, но и как блестящий просветитель.

В стремлении к объективности и верности исследуемым фактам состоит один из главных уроков научного метода Ломоносова, нисколько не утратившего своей актуальности и для современной грамматической и шире – филологической науки.

¹⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 23.

¹⁵ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л. 1947. С. 42.

¹⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 23.

¹⁵ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л. 1947. С. 42.